

1.6. Эссе

УДК: 130.2

DOI: 10.21146/1606-6251-2024-1/2-141-162

А.Н. Баранецкий

ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО, ЕЕ ЭПОХИ И СУБЪЕКТЫ

«Эволюция человечества в форме революционной смены постэпох имела результатом то, что людям теперь приходится жить сразу в нескольких постэпохах, — в постиндустриальную, постидеологическую, посткоммунистическую и пост-бог-знает-какую еще эпоху... Само собой разумеется, при этом имеется в виду эволюция западных стран, а прочее человечество принимается во внимание лишь постольку, поскольку оно следует за западными странами, подражает им, проявляет стремление уподобиться им и завидует им. То, что большинство людей на планете вообще влачит жалкое существование вне всяких эпох и постэпох, роли не играет. Эпохи истории человечества определяются по идущим вперед, а не по отстающим».
А.А. Зиновьев

Такой большой эпиграф из работы Александра Зиновьева нужен был для того, чтобы задать общий вектор умонастроения философского сочинения об общественном прогрессе.

Баранецкий Андрей Наумович — кандидат философских наук, доцент Института развития образования (Севастополь). E-mail: ross60@mail.ru. Автор эссе — участник открытого конкурса философских сочинений «Цивилизация будущего и будущее цивилизации» по мотивам романа А.А. Зиновьева «Глобальный человек» (01.02.2022 — 15.10.2022). Публикуется с разрешения автора и с учетом замечаний рецензентов.

Первый абрис проблемного поля. Автор этого сочинения предлагает зинovieвские «постэпохи» назвать именами эпох прошлого. Тогда фашизм окажется «реинкарнацией» *архаичной дикости*, а тоталитарные проекты — величественной реинкарнацией *варварских* попыток создать союзы племён и государств нового типа.

Тогда можно ставить вопрос и так: а не возродил ли кое-кто в XX веке *рабовладение* в неслыханно остроумных и модернизированных формах? Логичность образа будущего требует существенной детерминанты прошлого, для этого предлагается термин «архетип мироотношения народа» и «логика ценностных предпочтений и отношений народа». Ведь народы у нас ещё не перестали быть субъектами истории.

Иногда у небольших народов сущность и явление мироотношения почти совпадают: так было около 200 лет истории спартанцев, когда, благодаря законам Ликурга они явили суть своего отношения к миру. Но большинство народов мира, особенно многомиллионные, не могут так запросто, чётко и прямо явить свой культурный код для программ воплощения. Они тоже принимают решения или уходят от принятия решений, но это не столь явно происходит, как у спартанцев.

Мироотношение — это не «воззрения», не «ощущения». Отношение — это всё то, в чём является субъект. По Гегелю отношение есть абсолютно всеобщий способ явления. Абсолютная всеобщность говорит о существенности. За модной одеждой мы не узнаём рабовладельца и крепостника. Модернизированный дикарь вполне может одеваться по моде. И чаще всего именно он стильно одет, так как часто страдает нарциссизмом. Одна из примет модернизации дикости — подмена этики эстетикой.

После образа модернизированных явлений далёкого прошлого, будущее может прогнозироваться и по характеру тех субъектов, которые будут захватывать власть. Предполагается, что будущее, наконец-то, перестанет быть новым явлением прошлого, когда за 10–20 лет всех непрофессионалов во всех войнах победят профессионалы. И профессионализм надо изучать как характеристику субъективности.

Технологический характер большинства современных геополитических инициатив и навязывание образов технотронного

будущего требует ответа на вопрос о том, каковы принципиальные уровни сложности реальности и наук о них.

По классификации Огюста Конта выше биологического уровня сложности находится социальный уровень, который изучает социология. А кто сказал, что науки об обществе и о духовном мире нельзя использовать для создания оружия в информационной войне? Вопрос риторический. Оружие — это инструмент уничтожения того, кто определён как враг. Если взять одну только гонку в технологиях вооружения, то эпохи механического оружия сменились использованием физики и химии в военных технологиях, а затем — запретами на химическое и биологическое оружие.

Но разве не рационально уничтожить духовный мир вражеской армии? Даже вся Вторая мировая была войной народов в большей мере, чем войной армий. Противнику было важно уничтожить духовный мир другого народа и, тем более, нашим врагам это важно сейчас. Не случайно последние полвека они обрушивают на нас волны лжи, информационных подлогов и грязи.

Социология, психиатрия и психология, герменевтика и культурология, философия и масса психоделических практик уже давно используются для распространения психических эпидемий и навязчивых неврозов у миллионов людей. И это уже не просто «жалкое существование», о котором писал А.А. Зиновьев. Образы «зомбирования» из фильмов ужасов не всегда хуже, чем реальные истерики десятков и сотен миллионов лиц из социальных сетей, которые ежедневно извергают лавину проклятий, ругани, являют самые низменные эмоции и обещания наращивать зло для своих «врагов» в геометрической прогрессии. Психоделические войны как синтез мотивов всех войн прошлых эпох могут стать переломным этапом в истории будущего человечества.

Социологические знания — это как фундамент защиты в психоделических войнах, так и основа агрессивных нападений. Прогнозирование с опорой на классификацию Огюста Конта по уровням сложности изученной реальности — не менее надёжно, чем прогнозирование времён года. «Круговорот» стихий природы должен быть камертоном для прогнозирования, чтобы учёные не оказывались в положении тех коммунальщиков, у которых зима ежегодно наступает неожиданно.

К теории деградации. Основная идея этого сочинения – применить «бритву Оккама» для диагностики деградации любых типов культуры. Автор предлагает искать в прошлом такие совершенно существенные черты бытия и мироотношения, до которых опускаются конкретные страны и цивилизации. Для этого предлагается терминология «древний архетип мироотношения», «старинный архетип мироотношения», «мироотношение как итог ценностных отношений и предпочтений». Старинные архетипы сложнее, им сотни лет, они известны из позднего Средневековья, Возрождения, Просвещения. Древним тысячи лет.

Предлагается признать, что неолитическая революция была – как утверждают многие авторы – наиболее важной в истории. Поэтому самый большой контраст наблюдается тогда, когда политики последних столетий (ориентировочно, с эпохи Возрождения и поныне) ведут себя как совсем дикие, бесцеремонные, наглые и циничные вожди самых архаичных эпох.

В XIX в. использовали термины «дикарь» и «варвар» как контрастно значимые: дикарь и людоедом кровожадным запросто окажется, а варвар уже и мифы создаёт, и в братство народов верит; его мораль не позволяет «мясо белых братьев жарить», между дикарём и варваром – пропасть.

Предлагается ввести такую трактовку: вождизм не модернизируется по собственной инициативе и не прогрессивен в принципе. Точнее, вождизм может модернизировать сферу жизни общества, но он не может модернизировать всю систему управления обществом, он не модернизирует сам себя. Прогресс идёт, но «элиты» деградируют. В истории были вожди новых поколений, они создавали союзы племён, верили в братство народов. Именно они породили государственность как таковую.

Значительно превосходство архетипа рабовладельцев над вождизмом в системе требований к самим себе, их стремление в идеале к абсолютной ответственности: у него 100% всех прав, а у рабов – никаких вообще, они, рабы, юридически даже не люди. Поэтому у рабовладельцев возникает проблема аристократизма, ставятся вопросы о мере благородства и т.п.

Следовательно, деградация современных политических режимов до уровня архетипов рабовладельческого мироотношения маскируется идеями стопроцентной ответственности и ис-

ключительного благородства. И тотальность прав этих политиков на всё везде и всегда кажется им совершенно естественной. Такие права рабовладельца были действительно естественны в эпоху Платона и Аристотеля. Конечно, в XXI в. никто публично не объявит самого себя владыкой мира, рабовладельцем, но диагностика делается, как известно, по симптомам.

Иногда остроумный современный вождь представляет меньшую опасность для прогресса цивилизации, чем кланы уверенных в своей правоте самодуров (читай – «рабовладельцев-неведающих-что-творят»). При этом никто из них не отдаёт себе отчёта в сущности их мироотношения. Когда Дональд Трамп объявлял, что победит на выборах, даже если станет расстреливать людей на улицах, – это симптоматично. Это в меру намёк на то, что народу нужен такой вождь, как он.

Когда-то Оливер Кромвель придумал себе титул «лорд-протектора», а Наполеон Бонапарт, будучи безродным, провозгласил себя Императором. Но уверенность Кромвеля и Бонапарта в их личном «праве» ради своего любимого народа истреблять народы и армии соседних стран выдает в их практиках приметы вождизма вовсе не «неолитического», не варварского, а дикарского.

Для того, чтобы обоснованно судить о нравах революционеров конкретной эпохи нужно учитывать не общую массу трагедий, а процент пострадавших от общей численности населения. Абстрактно говоря, надо представить среднестатистическое количество зверских расправ на тысячу инициативных «прогрессоров» прекрасной Англии будущего, при расчёте числа убитых ими за всю их жизнь. То есть надо применить в исследовании статистический анализ: сколько было инициативных участников боевых действий в эпоху Английской революции, и какое общее количество людей физически уничтожено в среднем.

Если вспомнить, что 50 000 англичан истребили около 2 миллионов ирландцев, если добавить к ним уничтоженных внутри самой Англии, то придётся ответить на вопрос, сколько раз приходилось «среднему участнику революции» убивать? 50% населения Ирландии – это только часть жертв Английской революции. Готовность истреблять население – налицо.

По факту содеянного во времена Великой французской революции: сколько людей считали себя революционерами во

Франции между 1791 и 1815 годами? Это же были люди одного поколения. Сколько из них мобилизовали идти на смерть? Тогда же изобрели всеобщую воинскую повинность. Сколько загублено в ходе самой революции и в ходе наполеоновских войн, и внутри самой Франции по итогам? А сколько людей лично убил средний активный участник боевых и революционных действий за 24 года? Кто считал? Важно, что вовсе не гильотиной мы должны измерять меру жестокости данного поколения французских революционеров.

Призывы на воинскую службу привели к демографическому спаду. И эта демография долго давала о себе знать. При общем населении Франции около 20 миллионов за 24 года погибли — как самих французов, так и от рук французов — несколько миллионов. Только во время войны с Россией не стало около 500 000 французов и около миллиона россиян.

При всей массе трагедий (включая голод, эпидемии, Первую мировую и Гражданскую, и террор весь — как белый, так и красный) в 10 миллионов человек революции в России, для страны это составило около 7% населения. Ведь в России тогда было 150 млн.

Гипотеза: мера жестокости российских революций и субъективно самих революционеров была куда как слабее, чем таковая у англичан или французов. И вождизм Кромвеля с вождизмом Наполеона — это вовсе не такой вождизм, как у Ленина и Сталина. Последние создавали союз народов и имели позитивную программу для большинства населения планеты. А Англия и Франция создали типичные колониальные империи и вполне инициативно истребляли на практике миллионы аборигенов. И на этом фоне вождизм итальянского «дуче» и вождизм немецкого «фюрера» (точнее фюреров) — не некая историческая аномалия, а вполне себе дикарский вождизм «под себя и для себя».

Поэтому применение объективных критериев анализа поставит в один ряд вождей Англии, Франции, Италии и Германии как явление архетипа вполне дикого мироотношения. А всякая классификация или типология «видов фашизма» и «видов нацизма» уже будет играть второстепенную роль, так как будет определена наиболее существенная грань деградации. Отсутствие синхронности событий в этом вопросе совершенно не существен-

но, так как неравномерность исторического развития создаёт всегда достаточно пёструю картину синхронности.

Пропагандисты вестернизации уже миллионы раз призвали «приравнять» таких вождей как Сталин и Гитлер, но применение критериев оценки качеств вождизма выстраивает совершенно иную классификацию. В одну линейку с дуче и фюрерами выстраиваются Наполеоны и Кромвели. А Ленин и Сталин оказываются вождями совсем иного качества. Кромвель, Наполеон, дуче и фюреры проливали кровь со вкусом и размахом, а вот Ленин и Сталин оставили массу свидетельств того, что репрессии и террор — это то, что субъективно им не нравилось, было не по душе, но необходимо в силу требования революционной беспощадности, а также чувства долга и сознания опасности. «Хочется людей по головкам гладить, а приходится по этим головкам бить, бить». Это из воспоминаний Горького о Ленине.

Да, любой вождизм часто производит удручающее впечатление на рафинированного представителя культуры, носителя тонкой душевной организации. Но если этот представитель культуры требует от себя понимания сущности событий и персон, то ему не безразлична разница между диким и варварским уровнями мироотношения. Иначе он поверит «современному» рафинированному дикарю и станет его жертвой.

Не пора ли в школе и в вузе специально изучать историю самообмана и начинать с Илиады: там же мало кто поверил Одиссею и дружно пошли на войну... Или начинать с «Феноменологии духа» Гегеля? Кого цитировал Лермонтов, когда говорил, что с предрассудками воевать тяжелее, чем с рогатиной на медведя ходить?

Есть в информационном поле масса позиций, которые я назвал «аксиомы-предрассудки». Мы постоянно с ними работаем, хотя необходимы более глубокие понятия о сущности этих процессов.

Аксиома-предрассудок № 1. «СССР проиграл холодную войну». Разве это не так? Так и не так. Холодная война XX в. велась на определенных *архетипах мироотношения*. В СССР преобладали архетипы мироотношения вождей и первобытных общинников, а в США — архетипы мироотношения хитрых рабовладельцев и их рабов. Маркс писал, что коммунизм на первых

этапах не сумеет преодолеть частную собственность и сделает ее тотальной, будет культивировать противоестественную простоту бедного человека, отторгать таланты. Это частично и было сделано в СССР. Но не в медицине и космонавтике, не в психологии с педагогикой, а в подборе руководящих кадров.

Вождизм чаще поддерживает самовлюблённых (нарциссов), чем талантливых профессионалов. Он выдаёт нам сущность системы: мы создали очень модернизированный союз племён и народов, а американцы создали очень модернизированное рабовладение. А сегодня вся Евразия создаёт очень модернизированные феодальные общества. И логично, что первобытных (по структуре психики) людей из СССР обманут рабовладельцы из США, а через десятилетия новенький «до неузнаваемости» феодализм вытеснит в эпоху суперкомпьютеров «гипер-рабовладение».

Здесь работает закон ускорения социального времени: что длилось в истории тысячи лет, теперь проходит за десятки лет. Потом будут очень модернизированное «Возрождение», Ренессанс с эстетизацией подзабытого прошлого. Важно разглядеть в истории — то, что снова и снова «вылупились», в т.ч. дикарей-людоедов с манией бахвальства и вождей-аксакалов у умных варваров. Ну и где, как не в Средневековье, все голоса заглушили мощные требования каждый день молиться, давать присягу «монархам», клятвенно напоминать о преданности, строить свой мир как храм, вкалывать от рассвета до заката, осознать свои корни, своё первородство и самобытность. Однако, не столь страшно Средневековье, которое требовало от человека чести и славы, благочиния и благолепия, честности и усердия. В нём выжили праведники. А теперь наступили другие времена.

Русь в Средние века и родилась, и окрепла. Так что наши архетипы мироотношения не исчерпываются архетипами общинников-колхозников. Да, в СССР были грани мироотношения из будущего, но его сущность состояла в том, что это был первый в истории, хотя и грубо сшитый, синтез всех архетипов мироотношения из прошлого, нацеленных на модернизацию.

В СССР преобладали архетипы мироотношения первобытности и феодализма. Поэтому социалистические самоназвания — это от наивности новаторов. Сущность социализма — не столько в формах собственности, а сколько в организации самоуправле-

ния профессионалов. Тотальный профессионализм – это и есть ядро социализма. Все достижения СССР, которыми так гордятся старики, – это достижения профессионалов, а последних (как административный сервис) обслуживала, охраняла и опекала партийно-политическая верхушка, опирающаяся на силовиков.

А когда партийные бонзы испугались технократической автоматизации управления плановой экономикой и пошли на тайный сговор с лидерами Запада, то это был отказ от тотального профессионализма. Сказалась вождистская сущность системы управления. Это симптом того, что даже феодальные архетипы работали слабее, чем первобытные вождистские.

Горбачёв и Ельцин, их сторонники перед американцами вели себя по стереотипам доверчивых первобытных вождей, которые «закопали топор войны» и поверили «белому брату». Поэтому «социализм» тут вообще мало заметен, и это отдельная тема для анализа. А вот архетип мироотношения самовлюблённых вождей вполне достоин исследования.

Можно предположить, что партийно-политическая верхушка (например, Китая) показала себя как явление не столько первобытной, сколько типично феодально-средневековой структуры мироотношения. Поэтому они не уступали в коварстве американцам, всегда оставались многоликими, как типичные средневековые владыки. А «холодная война» – это тени, блики и шумовое сопровождение прикрытия. Конечно, в чём-то и шумы были существенны. А в чём-то нет.

Аксиома-предрассудок № 2. Это должно быть очевидным, но игнорируется: «нетрадиционные» ориентации сексуального характера – страшно традиционны: это же аналог культов каменного века и древних цивилизаций. Фаллические культы, культ Кибелы, сатурналии, вакханалии – доказательство возрождения очень старой дикости и попытки жизнерадостно оправдать эту архаичную дикость и юридически узаконить. Хорошо, что хоть каннибалов не называют «нетрадиционными».

Аксиома-предрассудок № 3. Про так называемую «отсталость» русских. В своих статьях я регулярно подчёркиваю, что одна из главных черт и особенностей 1000 лет истории россиян – хроническая тяга к ученичеству. И около тысячи лет ученичества отличали также древних греков.

То, что наша страна ни разу не была на первом месте в мире, – это очень хорошо, а не плохо. Первые в мире народы могут жестоко надрываться, терять перспективы, а вечные ученики всегда видят маяки и, как полагается, регулярно превосходят своих учителей.

Надо всем внушать эту идею народа-ученика. Мы 1000 лет входим в десятку самых мощных и насыщено живущих цивилизаций. Где отсталость? В отдельных узких сферах – и смешно говорить про отсталость, если мы находимся не на первом месте, а на пятом. Первые места делают людей участниками цивилизационной гонки, как в спорте. Россию веками упрекают в сопротивлении «прогрессу». Но на практике она сопротивлялась превращению в колонию, а не прогрессу. При достаточно широком обзоре цивилизаций на Земле обнаруживается, что, к примеру, в XIX в. Индия и Китай не построили десятки университетов, а Россия построила.

Аксиома-предрассудок № 4. Якобы СССР был социальным экспериментом. Полагаю, что сущность СССР вовсе не «экспериментальна». Огромными и волей-неволей экспериментальными эпохами в истории человечества были эпоха рабовладельческой формации и эпоха капиталистической формации. Эксперимент – это наблюдение в искусственных условиях. Какой человек выброшен больше в искусственные условия – раб или крепостной? У крепостного есть семья, скотина, орудия труда... А у раба что?

Первобытно-общинная, феодальная и «посткапиталистическая» эпохи всячески пресекали (смягчали, ограничивали, компенсировали) экспериментальное отношение к людям. Отношение к субъекту как к объекту циклически снова брало верх, но в текущем веке скоро будет преобладать именно консервативное ограничение экспериментов над людьми. А эксплуатация в сущности – это тоже отношение к субъекту как к объекту. И когда Маркс выступает против эксплуатации человека человеком, то он продолжает идею Канта о том, что человек никогда не должен быть средством, но только целью.

СССР будут определять именно как всемирно-историческую инициативу по пресечению эксплуатации человека человеком, да, грубую, да, заведомо провальную. Но не в этом со-

стоит сущность СССР, а в том, чтобы реализовать вектор «спасения» от капитализма, который действительно всё и всех превращает в товар, в средство, в сырьё, в капитал. Уже само словосочетание «человеческий капитал» или «материнский капитал» люди старшего поколения охотно заменили бы на «уважение к людям», «гарантии обеспеченного материнства» и пр. Но общество давно использует слово «капитал» как заменитель слова «ценность».

Таким образом, помимо того, что СССР был возрождением первобытного союза племён с вождизмом и очень высокого качества модернизацией, он также был первым в истории системным противостоянием экспериментальному отношению капиталистов к людям как к средствам, инструментам или ресурсам.

Ведь в СССР запросто снимали с должности за бесчеловечное отношение к людям. Конечно, возможны возражения в том духе — где маска, а где сущность? Но — автор настаивает — сущность СССР не «экспериментальна», а скорее направлена против экспериментов над людьми. Пусть нам вернут не сам СССР, но хотя бы пресечение экспериментов над миллионами людей. И это снова к теме прогнозов.

Каковы наиболее надёжные срезы для прогнозирования? Надёжность прогнозов должна быть сравнима с уверенностью в наступлении очередного времени года. Иначе прогноз не профессионален. И вот три плоскости надёжных прогнозов:

1. Прогноз опирается на уверенность в повторении (как писали классики, «по спирали») в современных явлениях тех сущностей, которые в истории уже были.

2. Он базируется на признании разных уровней сложности: от механического через физический-химический-биологический к социальному уровню сложности.

3. Он исходит из констатации качества господствующих и побеждающих в любых конфликтах субъектов (это констатация почти историческая, но названия символичны, это не всегда названия и определения сущностей, а предполагаемые названия): от «вождей» и старейшин, до «рабовладельцев», «аристократов», лидеров капиталистической «элиты», быстро формирующейся особой прослойки «профессионалов» которые и будут побеждать в любых конфликтах в текущем веке.

Итак, первая плоскость прогнозов. Прошу заметить, что мироотношение — процесс и духовный, и практический, т.е., это не только воззрения или стремления, но и живая реальность. Благодаря такому представлению можно дополнить идею общественно-экономических формаций и поиски Максом Вебером причин выбора экономической модели народами на основе, например, религиозности (с его теоретическими конструктами, подобными «конфуцианской экономике»).

У Маркса хорошо представлен детерминизм экономический, Вебер признавал такое понимание Маркса, согласно которому от экономических законов и экономической культуры зависит политическая жизнь. Но логик вправе поставить следующий вопрос: как начинают действовать в истории новые экономические законы? Да, экономическая сфера детерминирует, но она и сама — результат детерминации. Именно через углубление идеи детерминизма Вебер стремился освободить науку от детерминизма экономического. Поэтому ставил вопросы о ценностях и находил в религии воплощение этих ценностей.

Почему варианты разных отношений не будут зависеть от общего мироотношения? Неравномерность исторического прогресса проявляет себя в том, что одни народы уже смогли перейти, например, к капитализму, а иные и в XX в. жили вне его. Вебер разыскал в этике протестантизма детерминанту капитализма («дух капитализма»). Но это не мешает нам поставить вопрос об общем происхождении как протестантизма, так и капитализма.

Наименование такого обобщённого мироотношения сегодня, быть может, не столь важно. Труд мудреца в том и состоит, что обнаружение закономерности в истории философии всегда опережало развитие языка, и мудрец выходил из языка как из «дома бытия». Только благодаря выходу за пределы названного бытия человек может говорить о возможном и искать то, чего не было никогда и нет сейчас. А это и есть основа творческого мироотношения. Некоторые характерные черты капиталистического мироотношения мы можем разглядеть, если обратим внимание на колебания меры ответственности при переходе от формации к формации.

Абсолютизация личных прав, личной ответственности и личных возможностей чаще встречается в эпоху рабовладения и

капитализма, чем в эпоху первобытных норм, феодальных порядков и посткапиталистических проектов: у первобытных лидеров племя и природа слишком сильны и влиятельны, чтобы их игнорировать. Над феодалом возвышается Бог, он сам, как правило, вассал, если не помазанник Божий; а дальновидный феодал ещё и догадывается об ограниченности ресурсов и полной «занятости» соседних территорий. Рабовладелец и капиталист ищут никем не занятые земли и рынки. Они не культивируют знание закона каждым, римское право по духу близко капиталисту.

Незнание закона – это проблемы незнающего. А первобытные люди не поймут неизвестных законов. И феодальные подданные клятвы подписывают (иногда кровью), глашатаев слушают, но неведомые законы вызовут у средневекового человека оторопь. Он оправдывает себя незнанием. «Незнание не освобождает от ответственности»? Можем ли мы такое рассказать членам средневековой общины? Или в цеху ремесленников? Или «вольным» горожанам средневекового города? Быть может, были исключения, но не подтверждают ли они то правило, что в своих основаниях правовая культура средних веков не такова, как у античных римлян и капиталистов XIX в.? Основания правовой культуры «Пакс романа» и правовой культуры «Пакс американа» не случайно опираются на центр принятия решений, и этот один центр. А феодальные миры подвергались разборке и новой сборке через феодальную раздробленность.

Переоценка сил и возможностей субъекта, порыв к стопроцентному доминированию через запредельно эффективные манипуляции свойственны и рабовладельческому, и капиталистическому основам мироотношения. И в самовольных трактовках Слова Божьего протестантам... И во втором издании римского принципа «незнание закона не освобождает...» – опять субъект берет на себя роль повелителя мира. Он всё решит сам. Таковы как рабовладельцы, так и капиталисты.

При этом трагикомизм всемирно-исторического сюжета интересен тем, что не римляне и не американцы США, а первобытный вождь и феодальный абсолютный монарх регулярно являли это могущество на практике, но не занимались его обоснованиями и его не завоёвывали. И вождь не забывал, что круп-

ный хищник сильнее его, и абсолютный монарх не забывал, что «на всё воля Творца». Это особенность отношения к миру, а примеры можно приводить самые разноплановые.

Более глубокое понимание логики мировой истории заключается в том, что *логика ценностных отношений* как общая детерминанта влияет и на выбор типа религии, и на выбор модели хозяйствования, и на выбор типа правовой культуры. Народ выбирает и тип хозяйства, и тип религиозности, и тип правовой культуры по причине общего способа отношения к миру.

Термин «логика ценностных отношений» слишком широк. Но он служит сущностью этого конкретизированного мироотношения, архетипы которого — это варианты воплощения в истории данной логики. И пусть при этом народы сами не осознавали характера своего отношения к миру, пусть этот выбор не был итогом «совета старейшин». Здесь опять уместно напомнить о явлении сокровенного мироотношения спартанцев: у них оно совпало с явлением лет на двести, в т.ч. в их хозяйстве, в законах Ликурга и в духовной жизни.

Мы не обнаружим магистральный сюжет исторического развития, если переключимся на вопросы о синхронности разных стадий или эпох. XX век показал вполне синхронную жизнь камчадалов из каменного века с афганцами из Средних веков. Одни народы создавали государства, а иные оставались в первобытности. А человечество уже строило космические корабли, и даже неокOLONиализм создавали в пику «коммунизму».

Но архаика в современности — это не столько заповедники территориальные, сколько границы отношений. Это и отношение человека к миру, природе, и отношения людей к обществу в целом, к иным сообществам. На этом фоне хорошо заметны симптомы наступления новейшего средневековья — особенно в Евразии, и заметен окончательный паралич «нового рабовладения» США. Заметно, что это новое рабовладение уже обречено, хотя сейчас рабы-программисты, рабы-профессора, рабы-журналисты, рабы-генералы имеют зарплаты до 100 000 долларов в месяц. Но это их не спасёт.

Зарницы реинкарнации Ренессанса проглядываются с трудом, но для их поиска я бы предложил изучить то, кто, где и как на планете переходит к психоделическим технологиям для по-

рождения новых поколений вольнодумцев. Конечно, психоделические технологии можно использовать не только ради манипуляции, не только во вред, не только для превращения миллионов людей в диких «руссофобов». Это инструмент, который можно использовать для психотерапии, а не как оружие, в т.ч. для ускорения изучения всеми желающими на планете русского языка. Да, пока у человечества много проблем и люди зубрят английский, но высокий вкус рано или поздно отодвинет этот незрелый лингвистический паллиатив торопливых народов на его исторически неизбежное место.

Запад гордился своей прогрессивностью, но кроме прогресса есть понятие фальстарта. Всемирно-исторические фальстарты неизбежны и объективны. Но это совсем не прогресс. Англоязычные народы не должны быть унижены из-за того, что их участием стало торопливое распространение незрелых форм языка и незрелых форм социальности 300 лет подряд.

Возвращаясь к прогнозу о будущем средневековье, подчеркнём: по сравнению с Древним миром Средние века усадили все народы за парты и интенсифицировали методы обучения как священников, так и чиновников. Будущее средневековье также благополучно переживут только те цивилизации, которые стремительно интенсифицируют все образовательные технологии и, в частности, повернут уже созданные психоделические методы влияния на пользу населения.

В этом контексте свежо прозвучит тема тотального распространения профессионализма. Вопрос о роли профессионалов в истории вполне достоин включения во все учебники по общественным наукам. Для краткости позвольте привести пример упрощения качества субъективности до абстрактно-механической схемы. Предположим, что ремесленники знают от 100 до 300 секретов ремесла; высокое ремесло – это уже 500-1000 секретов. Профессионализм уровня техникумов и колледжей – это 3000 секретов (=научных идей). Специалист за 5 лет становится интеллектуалом со знанием 5 тысяч секретов (понятий). Предположим, что специалист-профессионал – это носитель опыта сотен людей; этот опыт собирали десятилетиями и зафиксировали в учебниках. Предположим, что талант концентрирует опыт столетия, а гений – опыт тысячелетия.

Кто кого во всех войнах будет побеждать — это вопрос риторический, но дилетанты проиграют профессионалам. Наши враги позаботились о том, чтобы массы людей верили в случайные интеллектуальные прорывы тех, кто никогда ничему не учился. Уже окрепла вера в том, что интеллектуальное наслаждение не мощнее, ярче, милее и глубже, чем наслаждение эротическое. Сексуальные монстры по всей планете давно усаживаются в кресла ректоров вузов и директоров школ. Здесь уместно напомнить образ директора школы из романа Апдайка «Кентавр», где учитель, опытный педагог, вынужден терпеть поведение директора на последней парте.

Тот культ интеллектуальных радостей, который был на страницах СМИ в 1960-е годы, изгоняется из большинства СМИ и образовательного сообщества вместе с романтикой научных исканий. Но переход от ремесленничества к профессионализму возможен только через упоение интеллектуальным наслаждением у миллионов людей. Точно так же переход от нудного и бездарного профессионализма к талантливой виртуозности тоже возможен только через упоение интеллектуальным наслаждением у миллионов людей.

Культ комфорта и секса полезен и выгоден тем, кто жаждет отобрать у наших детей радости от интеллектуальных трудов. Вывод: для дошкольников нужен культ любознательности, культ «почемучек» (это даже не противоречит старым инструкциям), для школьников требуется массово внедрять систему Шаталова (она создаёт эффект азартной увлечённости учёбой через множество игровых элементов). В высшей школе главным предметом проверок должна быть забота о культе осознанного интеллектуального наслаждения и гарантии соответствующего стиля жизни студентов, а не те формальные показатели работы ВУЗа, которые использовали 100 лет.

От интеллекта зависит и гонка вооружений. Поэтому обольванивание детей — в интересах тех сил, которые не называли себя врагами, но стали врагами по существу. Если интеллект — это тоже оружие, то как модернизировать интеллектуальное оружие?

В СССР первых социологов с дипломом выпустили за пару лет перед распадом страны. То есть проглядели меру опасности применения социологии для уничтожения конкурентов и вра-

гов. Но не только опасность социологии как таковой: все типы гуманитарных и общественных наук оказалось проще превратить в оружие, чем тогда казалось в СССР.

Если всё население заражать навязчивыми психозами и неврозами, то манипулятивные техники управления превращают миллионы людей в послушных; но послушных не для госаппарата своей страны, не для своего государства, а для того центра, который это делал. Термин «зомбирование» крайне опасен — он заслоняет понимание сущности: так 20 или 30 миллионов человек закливаются именно на неврозах, психозах и рецидивах истерики на заданную тему.

Так, реально народ заражают психическими эпидемиями. Миллионы поляков и украинцев заражены уже достаточно для личной жадности убивать русских. Это ожидает многомиллионную массу населения Европы, которая с 2022 г. энергично готовится для заражения высокомерным омерзением и абсолютной «нетолерантностью», беспощадной нетерпимостью. А это есть ни что иное, как морализаторское эстетство. Фобии тут нет. «Этих безобразных русских надо убивать!».

Химическое и бактериологическое оружие хотя бы формально запрещены, но вот использование социологии и психологии, а ещё важнее, эстетики, в качестве оружия даже юридически не запрещено. А это средство убить дух народа и душу личности.

На этом фоне резонно снова поставить вопрос о том, каковы критерии прогрессивности общества в целом? В XX в. прямолинейно и наивно критерии оценки прогрессивности преобразований связали с представлениями советских вождей о строительстве коммунизма. Думается, что это тоже был фальстарт. Проектировать общество раньше, чем люди научились проектировать живого робота-насекомое — это фальстарт.

Пока люди не разберутся в работе ДНК и РНК во всей их грандиозной сложности, думать о том, что духовный мир всех людей я могу зарядить вдохновением, — это не коммунизм, а вождизм. Не случайно пока пропаганда СССР уповала на научное мировоззрение, реальные лидеры всей душой болели не за науку, а за искусство. Когда почти все виды искусства деградировали, художественные советы распустили, то вопрос о профессионализме мастеров искусства вышел из-под контроля.

И сегодня акцентуированные персонажи с болезненным отстаиванием права навязывать миллионам людей их личный нарциссизм заполнили эстрады, и не сходят с экранов телепередач. И некому дезавуировать их дипломы о профильном образовании. Но закон ускорения социального времени может и не сработает ради совершенства, но тогда сработает на пользу примитивизации. А сохранять статус-кво в современном мире долго не получится. Есть такой факт: государства древности с их повсеместным использованием совершенно бесправных рабов за 4000 лет не перепахали земли севера, тогда как в Средние века всего за одну тысячу лет появились пашни во всех уголках земли, даже на Севере. Государственность распространилась на все территории, т.е. прогресс по этой линии ускорился минимум в 4 раза.

Это побуждает надеяться на то, что в текущем веке может наступить такое десятилетие, в котором облик мира изменится больше, чем за предыдущие 40 лет. Закон ускорения социального времени ярко проявил себя в XX в. Ведь за эти 100 лет вся Земля и жизнь преобразились гораздо сильнее, чем за 300 лет до XX в.

В каком именно десятилетии человечество изменится до неузнаваемости, сказать точно трудно, но сомневаться в том, что такое время наступит, автору этого эссе не приходится. Оно наступит. И через 10 лет мир себя не узнает. Это не личное мнение, а обоснованное предположение. Засилье культа мнений редко критикуется, но широко распространено и серьезно влияет на работу СМИ.

Лица новые, мнения старые. Что будет с «верой» в «право отстаивать своё мнение» в обществе профессионалов, которые, мягко говоря, непрофессиональное мнение «не жалуют»? Древние греки уже победили филодоксию (любовь к мнениям), и мы уже 2500 лет ценим их философию (любовь к мудрости). Мнения типичны и характерны. Скудоумие требует признавать аксиомой суждение «у каждого своё мнение». Но зависят мнения от хорошо знакомых приоритетов (высших ценностей). А этих ценностей едва три десятка набирается: Бог, здоровье, деньги, самолюбование, красота, слава, доброта, любовь, Родина или сама гармония... Это то, чему люди готовы посвятить всю свою жизнь или даже пожертвовать ею.

И вот на таком фоне вдруг оказывается, что персонажи, которые гордятся своим умением отстаивать своё уникальное мнение, вдруг явят такое мнение, которое полностью совпадает с мнением Госдепа США. Не случайно в начале XX в. художники, литераторы, артисты, музыканты придумали себе сокращение – «Х.Л.А.М.» Эта публика до уникальных мнений за 100 лет не доросла.

Поэтому СМИ могут задавать вопросы типа: «Если у нас нет государственной идеологии, и она запрещена, то почему не только Х.Л.А.М., но и часть педагогов с их уникальной душой горячо поддерживают государственные идеи и идеалы Госдепа США»? Ведь это тоже государственная идеология. Да ещё и чужая. Будут ли запрещать «Х.Л.А.М.», или его «мнения»? Х.Л.А.М. рано или поздно будет выведен в частную жизнь, а государственное финансирование получит только тот, кто пройдёт сквозь сито лиц, способных на «критику способности эстетического суждения» в духе работы Канта, кто может осмыслить эстетику Гегеля, кто хорошо понимает «Историю античной эстетики» Лосева и т.д.

Увы, за период долгой деградации государство начало кормить из бюджета тысячи самозванцев «гуманитарного» направления. Эту опасность сначала недооценивают, а потом удивляются – откуда миллион самовлюблённых дикарей? наших невежественных «гуманитариев» волнует слава, gloria, знаменитость, рейтинги и резонанс во всей вселенной после каждого символического жеста в информационном поле. Объективность их мало волнует. Но вот после каждого появления «на публике» им нужны «аплодисменты» («лайки», колокольчики). Природа слепоты нарциссократии происходит от инфантильного желания дошкольника (например, малыша 4-х лет), чтобы им восхищались: «Смотрите все! Я пришёл!!!».

В отличие от нацистов XX в., этот Интернационал Нарциссократии живёт не в мире научных доказательств, не благодаря объективной обоснованности. Их основа – субъективность волюнтаризма в мире социальной коммуникации. «Свет мой зеркальце скажи, да всю правду Расскажи, кто на свете всех милее, всех румяней и белее?» Если в сказке правда зеркальца привела к гневному выбрасыванию самого зеркальца, то сегодня для тех, кто отказывается восхищаться, готовятся законы о допустимости применения тактического ядерного оружия.

Эстетика работает мощнее астрологии, хиромантии и магии. Уничтожение этого социального зла может быть достигнуто только после полной недоступности каналов социальной коммуникации для этого Интернационала Нарциссократии. А сегодня финансовые ресурсы всей планеты и СМИ всего Запада находится именно в его руках. Их имидж, эстетические ценности — святыня. Они готовы уничтожить нас только за то, что мы ими не восхищаемся. Мы хуже того зеркальца, которое отказалось признавать нарциссическую святыню.

Его платформой стала социологически грамотная деструкция и извращение культурных норм национальных обществ, превращение их в эшелон для слома традиционной (восточнославянской, китайской, индийской) цивилизации с целью присвоения всех ресурсов и превращения в собственность Интернационала Нарциссократии.

Думается, что Интернационал Нарциссократии хуже фашизма нацистов XX в. И этот Интернационал сам себя не знает, настолько он слеп. Люди и общества несовершенны, и войны пока тоже. Высокомерное отвращение по отношению к любому народу может смениться на фобию. Без аргументов, без науки и без классической этики, всё будет «обосновано» именно эстетически. Поэтому только герметичная недоступность СМИ для нарциссократии, их полная изолированность от доступа к средствам социальной коммуникации будут переломным моментом в истории культуры и всего человечества.

Мнимая забота о прекрасном и совершенном кому-то кажется сегодня «морально безупречной». Но подмена нравственности эстетикой — недооценённая опасность. За такой заботой стоит скрытая (иногда явная) мечта о решительном снижении числа землян. Их идеалы ещё скрыты за экологизмом: они показывают, как «красива» и чиста будет планета без людей. И перед нами снова эстетизация, за которой скрыто вполне злое — человеконенавистничество.

Сегодня на Земле почти 8 миллиардов людей. Хотя уже миллионам людей симпатичнее будущее с двумя миллиардами образованных землян и роботами, чем будущее с 18 миллиардами жителей земли, половина из которых бедняки. А ведь это человеконенавистническая мечта. Хотя русских на планете всего около

200 миллионов, но часто «русофобы» даже не разбираются в демографии и географии.

Сегодня лидеры человеконенавистнического Интернационала могут жить и в США, могут руководить через «глубинное государство». Сколько Нарциссов у власти конкретно — кем и как это изучается? Есть важное, но малоизвестное философско-культурологическое исследование нарциссизма «Непристойные наслаждения» А. Маклакова и А. Шевченко. В этом труде сущность нарциссизма и нарциссических сообществ в обществе и политике XX в. начали последовательно описывать. Авторы ещё в 2010 г. отмечали, что жажда отсрочить своё перерождение и отсрочить конец наблюдаются именно в США, где «градус нарциссизма правящей элиты (как и граждан)... чрезвычайно высок». Конечно, не все нарциссы Земли душой к США привязаны. Их уже и США раздражает, там тоже готовят социальный взрыв.

После финансовой катастрофы мировой экономики нарциссы будут удерживать под своим контролем СМИ планеты и Интернет Запада. Поэтому — это ещё одна гипотеза о будущей цивилизации — политические партии профессиональных программистов надо создавать заранее, чтобы противостоять Интернационалу Нарциссократии.

И ещё, давайте предположим, что создание высокой коммуникативной культуры в истории правящим классам давалось не сразу, первые эпохи эксплуататоры чаще действовали разрозненно. Слабая организация — атрибут низкой коммуникативной культуры. Поэтому рождение государств можно рассмотреть как результат роста организованности всяческих вождей, старейшин. Рождение демократий и республик — как результат взлёта коммуникативной культуры рабовладельцев. Рождение централизованных абсолютных монархий — результат подъёма коммуникативной культуры феодальной аристократии, духовной элиты того общества, которая создавала университеты. Рождение корпоративности — итог роста коммуникативной культуры капиталистов.

Следовательно, можно построить следующий прогноз: после победы профессионалов над дилетантами надвигается эпоха коллективного профессионализма; коллективы профессионалов — успешнее. И профессионалы остановят деградацию системы

образования, и поэтому талантливых организаторов (и в политике, конечно) станет немного больше, чем было.

Поэтому, следующая эпоха – это эпоха победы талантов над профессионалами и роста коммуникативной культуры талантливых людей. И только когда коллективы талантливых людей возьмут под контроль все сферы власти – в законотворчестве, в СМИ, в экономике, в финансах, только тогда откровенно асоциальные войны перейдут в фазу защиты цивилизационного развития общества от разрушающего влияния соседей.

Психоделические технологии, с помощью которых миллионы людей будут превращаться в преданных и влюблённых сторонников вчерашнего врага и отправятся погибать за его интересы, можно будет направить на окончательное уничтожение архетипов варварства и дикости, средневекового высокомерия в сфере социальной коммуникации. Эти технологии позволят улучшить педагогические практики дошкольного и школьного обучения, сделать учёбу более увлекательной, чем компьютерные игры, а усвоение правовой культуры интереснее, чем увлечение романтикой криминальной жизни. Они помогут защитить просвещение и культуру от сползания в варварство, защитить уже с детства. Хорошо воспитанные общества прошлого принимали в себя малую долю населения, хорошо воспитанные общества будущего могут существенно расширить свою «социальную базу».

Хочется надеяться, что на пути к «сверхообществу» люди смогут договариваться о компромиссах модернизации реального и совершенствующегося общества.

Поступила в редакцию 15.06.2024 г.